



ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Р. В. Кинжалов

ДЕНЬ В СТОЛИЦЕ ДРЕВНИХ МОЧИКА

Древняя культура инков в Южной Америке, достигшая своего расцвета в XV—XVI вв. и уничтоженная безжалостными испанскими завоевателями, хорошо известна всем, интересующимся историей. Но мало кто знает, что инкское общество было только последним этапом в многовековом развитии индейских народов южноамериканского континента. Многочисленные народы, жившие задолго до испанского завоевания на территории современных Перу, Эквадора и Боливии, создали тот культурный фундамент, на котором впоследствии выросла замечательная инкская культура. Одним из таких народов являлись мочика, поселения которых были рассеяны в долинах рек Хекетепеке, Чикама, Моче, Виру, Чао, Уамансанья, Санта, Чимботе, Непенья и Касма в северной части тихоокеанского побережья Перу. Их расцвет относится к I—VIII вв. н. э. Для того чтобы лучше ознакомиться с культурой и бытом мочика, попытаемся мысленно совершить путешествие во времени, перенесемся в пятый век и проведем день в столице этого народа, раскинувшейся в долине реки Моче, на берегу Тихого океана.

Раннее утро, только начало светать. Осмотрим внимательно открывшуюся нашим глазам картину. Мы находимся на покрытой песками равнине, однообразии которой кое-где нарушается небольшими барханами. Слева ритмично вздыхает и накатывается могучими волнами на плоский песчаный берег необозримый океан. Справа, вдали, гигантскими ступенями поднимается в небо исполинская цепь Анд. У подножья ее, кажется совсем близко, теснятся веселые зеленые холмы — предгорья. В действительности же до них — несколько десятков километров.

Вот горные пики начинают медленно розоветь, и от этого серые тени туманов, лежащих в ущельях, становятся синими и более мрачными. Появился легкий утренний ветерок. За Андами восходит солнце, и его первые лучи упали на ледники горных вершин.

Однако, как ни рано мы поднялись, нас уже опередили. На берегу мелькают какие-то неясные силуэты, слышны отрывистые слова команды. Подойдем поближе. Это группа рыбаков отправляется на утренний лов. Одежда их предельно проста: легкие набедренные повязки и головные платки, защищающие от жгучих лучей солнца. Так одеваются все простые люди — труженики; пышные облачения — признак знатности. В легкие, верткие лодочки из связок тростника, укладывается рыболовная снасть: сети с поплавками из маленьких высушенных тыков, различной толщины лесы с медными крючками без бородки, гарпуны и, наконец, дубинки из тяжелого, прочного дерева, на случай, если рыбакам

повезет и им встретится морской лев. Старейшина рода, высокий худощавый мужчина, садится в лодку последним и отдает приказ об отплытии. По его предположениям, лов сегодня будет удачным, и они вернуться с богатой добычей. А ведь такие дары моря, как скат, бонито, сардины, летучие рыбы, а также омары, креветки, крабы и осьминоги никогда не залеживаются в корзинах после улова!

Проследив, как лодочки рыбаков скрываются за волнами, двинемся дальше, чтобы попасть в город.

Теперь тропинка вьется среди полей. Мочика — искусные земледельцы и возделывают множество полезных растений. Среди них кукуруза, различные виды тыкв и бобов, огурцы, арракача, кабачки, стручковый перец, земляной орех — арахис, картофель, бататы, маниок, якон, съедобная канна; хорошо вызревают здесь фрукты: авокадо, страстоцвет, гвазабано, пакаи, слива — лукума, чиримойя, папайя (дынное дерево), ананас. Особые участки заняты хлопком, табаком и кокой.

На перуанском побережье дожди очень редки (иногда их не бывает в течение нескольких лет), и потому, чтобы получить хороший урожай, требуется искусственное орошение. Много тяжелого труда было затрачено древними земледельцами, чтобы обеспечить бесперебойную поливку полей, но грандиозные результаты его приносят во многих случаях пользу и в наше время. Так, например, вырытый в далекой древности канал Ла Кубре, имеющий в длину более 113 км, и теперь, в двадцатом столетии, еще несет чистую горную воду на сухое побережье. Там, где на пути проводимых каналов попадались глубокие ущелья мочика строили мощные акведуки. Один из них, пятнадцатиметровой высоты и длиной в полтора километра, имеет массу, равную 1/3 пирамиды Хеопса. А сколько таких акведуков разбросано по соседним горным ущельям — их трудно сосчитать!

На полях, стараясь использовать утреннюю прохладу, усердно работают земледельцы; одни расчищают оросительные канавки, ведущие от канала, другие, наоборот, закрывают протоки на уже увлажненных участках. Их орудия труда очень просты: копательная палка и мотыга. Кое-где разбрасывают удобрение — гуано, привозимое с небольших островков. Именно перуанским индейцам человечество обязано открытием этого ценного удобрения,

Тропинка, по которой мы идем, выходит на большую, обсаженную деревьями дорогу, ведущую с гор к столице. Она очень широка — почти десять метров, по сторонам ее на определенном расстоянии один от другого расположены маленькие домики. В них дежурят специальные гонцы для быстрой передачи известий. Вот у входа в такой домик сидит, напряженно всматриваясь вдаль, один из бегунов. Завидев, что от соседнего домика к нему бежит человек, он вскакивает, и, выслушав на ходу сообщение, устремляется к следующему посту. А принесший весть остается отдыхать в хижине. Таких посыльных отбирают и тренируют с детства. Труд их очень тяжел, и мало гонцов доживает до старости.

Неожиданно на дороге появляется целая процессия. Впереди на носилках, удобно раскинувшись, сидит пышно одетый человек. За ним движется толпа людей в скромных одеждах, нагруженных сетями, дробниками, копьеметалками, различного рода палицами, духовыми трубками и другим оружием. Обращает на себя внимание, что ни на ком нет обуви (мочика обычно ходят босыми), но на ногах особой краской тщательно нарисованы изящные сапожки. Очевидно, это какое-то знатное лицо возвращается в город после охоты в горах. Конечно, так и есть! Вот и добыча: два жирных оленя, большая ящерица — игуана и множество разнообразных птиц. Охота была успешной!

Последуем за этой процессией и войдем в столицу.

Дома в ней разбросаны свободно; никакой продуманной планировки здесь не чувствуется. Осмотрим одно из ближайших жилищ. Оно стоит на небольшом возвышении, сложенном из неотесанных камней. Стены возведены из прямоугольных сырцовых кирпичей; крыша настлана из



Рис. 1. Охота. Роспись на сосуде

тростника, лежащего на жердях из рожкового дерева. Жерди эти, однако, вверху не сходятся, оставляя узкое отверстие: через него внутрь проникает воздух и свет, ведь окон в доме не имеется. С передней стороны пристроена небольшая крытая терраса, а сзади виден внутренний дворик.

По множеству сосудов, стоящих рядами на дворе, мы догадываемся, что попали в жилище гончара. Воспользуемся случаем и ознакомимся с его работой.

Во многих музеях мира замечательные керамические изделия мочика являются гордостью их хранителей. Неудивительно поэтому, что при взгляде на находящиеся перед нами художественные сокровища наши глаза разбежались.

Помимо простых по форме сосудов, предназначенных для хозяйства, здесь стоит много образцов фигурной керамики. Глядя на них, трудно осознать, что перед нами обычные сосуды, а не произведения большого искусства, с таким мастерством они выполнены. Любой из них кажется статуэткой. Удивляет необыкновенная жизненность и грация фигур, правдивость их изображения. Вот разъяренный воин высоко поднял палицу, готовый поразить врага... А рядом пожилая горбатая женщина сидит на поджатых ногах, отдыхая после долгого пути. Умелая раскраска белой, черной, красной и коричневой красками еще более усиливает впечатление. Вот два юноши, примостившись на бревне, самозабвенно играют на флейтах, один из них даже полузакрыв глаза, чтобы полней отаться музыке... Вот пленный в разодранной одежде, со связанными за спиной руками и толстой веревкой на шее мрачно смотрит перед собой,— он хорошо знает, что ожидает его в недалеком будущем. Фигуры так выразительны, что не сразу замечаешь искусно помещенную сзади ручку и горлышко сосуда.

А в следующем ряду стоят сосуды, изображающие многочисленных богов, духов и демонов, которые, по религиозным представлениям мочика, властвуют на земле и под землей, в воздухе и в океанской глубине. Вот получеловек, полусова, держащий в левой руке отрубленную человеческую голову. Рядом с ним дух кукурузы; раздутое, шарообразное туловище его составлено из больших початков с отборными крупными

зернами, а голова — человеческая с большими глазами и ушами. Спокойному, благожелательному выражению лица не мешают даже две пары больших клыков, торчащих изо рта вверх и вниз, — характерная особенность многих древнеамериканских божеств плодородия. В таком же стиле изображены и духи картофеля, тыквы и других овощей, туловище у них всегда в виде самого плода, а голова антропоморфная. Среди



Рис. 2. Фигурный сосуд: правитель с булавой (МАЭ)

них много раскрашенных, но встречаются и сплошь одноцветные, с угольно-черной, блестящей как металл поверхностью. Это достигается особым обжигом.

С мягким юмором вылеплены сосуды, изображающие животных. Вот опьяневшая обезьяна; она вдоволь напилась хмельного напитка и теперь, обняв лапами кувшин, смотрит на вас веселыми, озорными глазами. Олень с ветвистыми рогами, плотно усевшись на скрещенные задние ноги, сосредоточенно бьет в небольшой горизонтальный барабан. У ламы, нагруженной тюками, весьма недовольное выражение: ей вовсе не хочется отправляться с таким тяжелым грузом в дальнюю дорогу. Рядом молодая мать-пума, грациозно раскинувшись на земле, кормит трех детенышей, у них же забавный серьезно-деловой вид.

Особняком стоят два сосуда в виде человеческих голов. Это в сущности скульптурные изображения людей, и только изогнутая кольцеобразная ручка с трубчатым отростком вверху, соединяющая шею с затылком.

выдает их подлинное назначение. Лица поражают своей жизненностью и одухотворенностью, перед нами, несомненно, портреты. Первый — молодой мужчина со спокойным и властным выражением лица. От мягкой, расшитой прихотливым узором шапки под подбородок идет широкая лента; затылок прикрыт платком. Конечно, это знатный человек. Совсем по-другому выглядит второй. Впалые щеки, морщинистый лоб, острые скулы, тонкие плотно сжатые губы, под которыми угадываются беззубые десны, — все говорит о долгой и нелегкой жизни. Вытекший левый глаз свидетельствует, вероятно, о какой-то давней битве. Судьба этого человека была далеко не такой радужной, как первого.

Мастера мочика в таких сосудах оставили великолепную серию подлинно реалистических портретов. В центре их внимания в этот период неизменно находился индивидуальный человек со всеми присущими ему достоинствами и слабостями. Каждая черта, способствовавшая психологической характеристике изображаемого, отмечалась и увековечивалась. Поэтому и «лицевые сосуды» мочика, как их иногда называют, бесспорно являются вершиной развития портретного искусства у народов древней Америки.

Сам гончар в это время занят изготовлением нового сосуда. Он берет форму, состоящую из трех частей, и тщательно промазывает ее животным жиром. Затем он вкладывает заранее приготовленные тонкие пластинки влажной глины в формы и плотно вжимает их так, чтобы они повторили все детали оригинала. Затем все выставляется на солнце для просушки.

Пока части будущего сосуда сушатся, мастер не сидит без дела. Он готовит другую форму. Взяв модель — фигуру совы — и



Рис. 3. Фигурный сосуд: голова сановника



Рис. 4. Фигурный сосуд: голова старика

смазав ее также жиром, он облепляет ее толстым слоем глины плотно прижимая ее руками. Медный ножик завершает начатое; им новую форму разрезают на две части, которые снимаются с модели и тоже отправляются на просушку. Такую форму можно использовать несколько раз.



Рис. 5. Мифологические чудовища. Роспись на сосуде

Тем временем части первого сосуда уже готовы — жаркое полуденное солнце сделало свое дело. Гончар вынимает их из формы и соединяет с помощью той же глины в одно целое. Швы тщательно заравниваются как снаружи, так и изнутри; даже самый внимательный глаз их обнаружит далеко не сразу! Наконец, присоединяется дно — и сосуд готов полностью. Мастер окунает его в жидкий глиняный раствор и снова выставляет на солнце. Теперь он будет уже просушиваться значительно дольше. После этого готовые изделия тщательно полируются костяными лопаточками и обжигаются. Сделать красивый и прочный сосуд не так то просто и легко!

Не думайте, однако, что работает лишь сам мастер. Вся его семья и ученики помогают ему. В одном углу двора дети прилежно месят глину, заботливо удаляя самые мельчайшие камешки, ведь глина должна быть совершенно однородной. В другом углу жена в вырытой в земле печи обжигает готовые изделия. А на террасе один из учеников расписывает сосуд, и под его уверенной кистью на желтовато-белом фоне тутлова один за другим появляются причудливые чудовища; в них фантастически смешаны черты змеи и улитки.

Осматривая произведения гончара и наблюдая за его работой, мы провели немало времени. Скорее в путь, чтобы успеть побольше увидеть. В нашем распоряжении осталось немногим больше половины дня.

Вдали виднеются какие-то два массивных сооружения, напоминающие по внешнему облику пирамиды. Не осмотреть их, конечно, невозможно! Мы быстро проходим мимо множества низких прямоугольных домов, похожих на жилище гончара, — здесь живут такие же рядовые обитатели столицы. Кое-где один комплекс или квартал отделен от другого невысокой стеной: родовые принципы имеют еще частичную силу.

Дома перемежаются садами и огородными участками, посреди которых виднеются небольшие водоемы. Ближе к центру дома становятся выше и роскошнее — это жилища знати и жрецов. Время от времени встречаются и храмы, стоящие на низких платформах.

Но вот мы приблизились к центру. Он состоит из величественного здания — дворца правителя и двух грандиозных пирамид, расположенных на краю большой площади. Осмотрим сперва большую из них.

Это сооружение, которому позже дали произвольно название «Пирамида Солнца», покоится на могучей платформе восемнадцатиметровой высоты, члененной на пять уступов. Чтобы обойти ее, потребуется немалое время, ведь периметр платформы равен почти километру! Поэтому мы лучше поднимемся по широкой шестиметровой лестнице, ведущей на ее северный конец. На противоположной стороне находится сама пирамида, вблизи она еще больше подавляет своими размерами: семь ступеней ее поднимаются на высоту 23 м, а сторона базы равна 103 м.

На плоской вершине пирамиды стоит маленький деревянный храм, похожий с виду на обыкновенный жилой дом. Заглянув внутрь, мы убеждаемся, что он состоит всего лишь из одной комнаты; она почти пуста, в ней стоит несколько сосудов, да в середине глинобитного пола торчит воткнутый большой стебель сухого тростника. Никого из жрецов здесь нет.

Полюбуемся видом цветущей долины, зеленовато-синим бархатом Тихого океана и снежными шапками Анд, — с сорокаметровой высоты все видно как на ладони, — и поспешим ко второй пирамиде — «Пирамиде Луны». Она уступает первой и своими размерами, и сложностью архитектурного замысла. Тем не менее в ней есть нечто привлекающее наше внимание.

Все сооружение представляет собой платформу высотой в 21 м; с центральной и южной сторон ее расположено по шести уступов. Склоны платформы сплошь покрыты прихотливым рельефом, выполненным по сырой глине: звери, птицы, какие-то сказочные существа заполняют все плоскости. Главное, однако, в «Пирамиде Луны» — это многокомнатный храм, расположенный на ее вершине. Стены его расписаны многоцветными фресками, и, конечно, не осмотреть их нельзя.

На внешней поверхности стен черной, белой, красной, желтой, светлосиней, ярко-розовой и коричневой красками изображены подвиги главного божества мочика — Аи-Апека. Вот он вытаскивает из волн океана на прочной лесе огромную рыбу, похожую на гигантского тунца, — духа-повелителя морских глубин. Напрасно тот в бессильной злобе раскрывает свою зубастую пасть, тарасит глаза и угрожающе машет плавниками, усаженными крючковатыми шипами, — демону моря не уйти! Аи-Апек стоит, широко расставив ноги, и двумя руками тянет лесу; морщинистое лицо его с выступающими изо рта клыками и кошачьими усами спокойно, но извивающийся хвост, оканчивающийся змеиной головой, выдает внутреннее возбуждение. Вокруг божества шумно носятся птицы бакланы, — его помощники, а подчиненные морского демона — рыбы — лежат неподвижно кучей на прибрежном песке¹.

На другой фреске Аи-Апек, повалив на землю страшного вампира, сосущего ночью у людей кровь, острым топором отрубает ему голову. Поверженный тщетно пытается достать бога большими кривыми когтями. От места схватки по цветущему лугу в ужасе бегут, оглядываясь,

¹ В действительности от фресок на остатках храма сохранились лишь небольшие фрагменты и поэтому при описании использованы мотивы росписей на сосудах.

слуги вампира — двухголовые зубастые демоны, но им уже перерезают дорогу добрые духи в виде полулюдей, полуптиц колибри, вооруженные боевыми булавами и щитами.

Внутри храма на фресках мы видим опять Аи-Апека, но уже в мирной роли культурного героя, Вот он шелушит початки кукурузы, обучая людей пользоваться этим замечательным злаком. Вот он держит в руках



Рис. 6. Битва. Роспись на сосуде

радугу, изображенную в виде двухголовой змеи, чтобы влага беспрепятственно орошала поля. А на этой фреске Аи-Апек в пышном головном уборе и с большим золотым кольцом в носу обучает человека искусству гадания. Он сидит на песке, скрестив ноги, и, держа правой рукой перелазящий что-то похожее по форме на огромный боб², с увлечением объясняет начертанные на нем символы. Перед ним в почтительной позе сидит слушающий и держит наготове другие бобы. «Истолкованные» бобы лежат между ними на песке.

У стены напротив входа стоит величественная деревянная статуя полного мужчины в коротком переднике и круглой шапочке держит перед грудью чашу. Тело покрыто татуировкой, изображающей стилизованные птиц. Это одно из божеств мочика, праздник которого будет отмечаться завтра, поэтому его статую и вынесли сюда. В других помещениях мы увидим остальных богов, они дожидаются своей очереди.

В небольшой комнате на глиняном полу сидит пышно одетый человек — жрец — и задумчиво передвигает разноцветные камешки на прямоугольной плите. Она разделена на квадраты, а в одном углу ее сделана многоступенчатая пирамида. Это своеобразный счетный прибор, при помощи которого жрец делает вычисления для календаря. Вот считающий передвинул камешек с одного поля на другое, и теперь он уже обозначает не единицу, а девять, т. е. какое-то число увеличилось в девять раз. Не так-то просто заниматься здесь математикой! Надо очень многое знать и помнить, так как записей при этом не ведется.

² Такие «бобы» неоднократно изображаются в росписях на сосудах. При раскопках городищ мочика археологи находили крупные бобы с геометрическими узорами, раскрашенные в разные цвета. Назначение их полностью не выяснено, однако, опираясь на сравнительный этнографический материал, можно предполагать, что они использовались при гаданиях. Перуанский исследователь Р. Ларко Ойле считал, что эти рисунки представляют собой вид иероглифического письма, но гипотеза его вызвала существенные возражения.

Выходим снова наружу. После полутемного помещения яркие солнечные лучи сперва ослепляют нас, но скоро глаза привыкают. Бросим прощальный взгляд на пирамиды и двинемся дальше.

И «Пирамида Солнца» и «Пирамида Луны» сооружены из огромного количества необожженных прямоугольных кирпичей — адобов. Подсчитано, например, что на «Пирамиду Солнца» их пошло более 130 миллионов. Адобы изготовлялись прямо на месте при помощи специальных форм. Кое-где для большей прочности здания среди кирпичей проложены большие брусья из рожкового дерева — альгарробы. Строили пирамиды общинники, согнанные из соседних поселений. Оба этих сооружения воздвигались в течение нескольких поколений, причем в толще часто устраивались гробницы.

Воспользовавшись своим правом проникать повсюду беспрепятственно, осмотрим теперь дворец правителя. Он стоит на небольшом трехметровом возвышении, белые стены его ослепительно сияют на солнце. На крыше из тростника, так же как и у храмов, укреплены изображения священных животных — лисы и собаки; оба они связаны с лунным культом.

У входа во дворец, на террасе, суетится множество пышно одетых придворных и слуг; первые ожидают приема у владыки, вторые заняты повседневными делами. Проскользнем мимо них и войдем в парадный зал. Он вовсе не так велик, как можно было бы предполагать, и немногим больше наших обычных комнат. Против входа, на невысоком помосте под балдахином, неподвижно сидит правитель — *кич* на языке мочика. Он выслушал доклад начальника каналов, о том, что с водоснабжением земель все обстоит хорошо. Одевания его заслуживают специального описания; несмотря на жару, владыка страны облачен в несколько одежд. На нем набедренная повязка, нижняя юбка, нательная рубашка без рукавов из тонкой, редкой ткани, расшитая красными узорами верхняя юбка, немного не доходящая до колен, и рубашка из плотной белой ткани, также украшенная богатой вышивкой; рубашка слегка спускается на верхнюю часть юбки. Рукава короткие и не доходят до локтей.

На голове *кича* круглая шапочка, с которой на затылок и шею спускается белоснежный платок; на шапочке укреплен огромный тюрбан из ярко-алой ткани с золотыми и серебряными фигурками божеств и животных. Чтобы он не соскользнул на сторону, к краям тюрбана пришит плотный ремешок, уходящий под подбородок. Два пояса с серебряными бляшками, массивные круглые серьги, большой золотой диск с рельефным изображением победоносного *Аи-Апека*, висящий на груди правителя, и церемониальный медный нож с золотой рукояткой в виде птицы дополняют наряд *кича*.

При взгляде на лицо владыки мы сразу узнаем его. Ведь это оно было изображено на фигурном сосуде, который мы рассматривали на дворе гончара. Только в действительности он выглядит несколько старше и менее величественно — очевидно, скульптор немного польстил оригиналу.

Медленным движением руки *кич* берет маленький золотой сосуд, опускает в него длинную палочку с миниатюрной ложечкой на конце, вытаскивает ею оттуда серовато-коричневый шарик величиной с крупный боб и отправляет за щеку. Через несколько минут щеки правителя розовеют, глаза начинают блестеть, кажется, даже морщины на лице разглаживаются. Теперь он выглядит моложе и очень похож на свой портрет. Чем же можно объяснить эту перемену?

Кич принял сильный наркотик — кокаин. Древние народы Анд культивировали небольшой кустарник — эритроксилон кока. Очень давно ими

было замечено, что высушенные листья этого растения, если их пожевать, чудесным образом снимают усталость, возвращают силы, дают возможность обходиться длительное время без пищи, воды и сна. Поэтому они стали выращивать этот кустарник. О разрушительном воздействии на человеческий организм алкалоида кокаина, содержащегося в листьях, о том, что употребляющий их становится наркоманом, древние

перуанцы не знали или не придавали этому существенного значения. Более того, употребление коки у мочика было запрещено простым людям, этот наркотик был привилегией только знатных лиц. Высушенные и размельченные листья коки смешивались с золой от пережженных костей и известью (этим достигалось большее выделение кокаина) и скатывались в шарики.

Пока кич находится в одиночестве, осмотри парадный зал. Стены его, так же как и в храме, украшены росписями, но здесь они имеют совершенно иной характер. Все заполнено изображениями боевых сцен. Вот слева в пустынной местности



Рис. 7. Победители и пленные. Роспись на сосуде

среди песчаных холмов, поросших кактусами, ожесточенно схватилась группа воинов; они сражаются попарно. Один бросает камень, защищаясь в то же время небольшим круглым щитом от удара короткого копья. Собаки, которых мочика специально дрессировали для боя, кусают его за ноги; на животных одеты специальные панцири. Двое других замахнулись друг на друга булавами. А воин справа уже нанес противнику удар палицей, и кровь из разбитой головы брызжет в разные стороны. На правой стене изображена торжественная процессия победителей; они гонят перед собой врагов. Побежденные раздеты догола, на шее у каждого из них петли из толстой веревки, концы которых сжимают в левой руке герои; в другой они несут и свое и захваченное оружие. Большинство пленных держится за разбитые носы, из которых капает кровь; лишь один, обернувшись к своему врагу, проклиная его, показывая на него пыльцем. А дальше на фреске видна торжественная церемония жертвоприношения божеству войны: пленных сбрасывают с высокого утеса. Тела убитых разрезают на куски, чтобы после специальной обработки хранить потом дома, как трофеи. На самой высокой вершине стоит Аи-Апек, с удовольствием наблюдая за происходящим.

Все эти сцены изображены в богатой красочной гамме, смелой уверенной кистью, очень живо и правдиво. Видно, что над росписями здесь работал талантливый живописец.

К ногам неподвижно застывшего правителя вдруг подкатывается какой-то белый, покрытый черными пятнышками, меховой клубок, поску-

ливаает и тычется в его ногу. Это детеныш пумы требует к себе внимания. Мочика часто держали в домах оленят, попугаев, обезьян, детенышей пумы и приручали их. Один из таких питомцев и появился перед нашими глазами.

Неожиданно в зал входит высокий пожилой человек. Это *алаек* — управитель соседнего города, подчиненного кичу. Он участвовал в нескольких жестоких битвах и в одной из них потерял ногу; об этом свидетельствует большой деревянный протез. На середине зала он прикладывает руки к груди, склоняется и в таком положении приближается к владыке. Дождавшись, пока властелин обратит на него свой взор, алаек сообщает, что к столице приближается посольство могущественного народа, живущего в долинах рек Наски и Ики, в далекой южной части побережья. Он поспешил уведомить об этом событии повелителя. Какие распоряжения будут отданы по такому чрезвычайному случаю?

Кич принимает новую порцию коки и после минутного размышления приказывает с почетом встретить послов на границах города; он даст им аудиенцию.

Алаек исчезает, а правитель принимается играть с детенышем пумы. Он заинтересован услышанным известием.

Между тем по улицам города медленно движется торжественный кортеж. Впереди идет отряд воинов мочика, расчищая дорогу: посмотреть на послов сбежалось немало зевак. За ними следуют два скорохода (так положено по обычаю), а через десяток шагов в клубах поднявшейся пыли шествует алаек с гостями. Послов несут на носилках. Глава посольства, сурового вида старый индеец, одет необычайно пышно: на нем длинная красная мантия, расшитая изображениями фантастического зверя, похожего на кошку, но с антропоморфной головой — это главное божество Наски. Нижняя часть лица старика прикрыта полумаской из тонкой золотой пластины; от верхних углов ее к щекам поднимаются два нешироких «уса». Три других посла, люди среднего возраста, одеты в мантии фиолетового цвета со сложным геометрическим орнаментом. На головах, удлинённых из-за искусственной деформации — невысокие круглые шапки из ковровой ткани. Позади послов несколько носильщиков несут тюки, в которых упакованы подарки кичу, присланные правителем народа Наски.

Процессия приближается к дворцу. Алаек взбегает по ступеням, теперь уже покрытым ярким разноцветным ковром, и скрывается в здании — он спешит уведомить повелителя о прибытии послов. Гости не спеша вылезают из носилок, их приветствуют придворные: идет обмен обычными любезностями. Но вот алаек снова появился в дверях и делает пригласительный жест: правитель ждет посланцев юга.

Когда глава посольства поднимается по ступеням, порыв ветра распахивает его мантию, и многие из присутствующих видят три высушенных человеческих головы, прикрепленные к его поясу. Они значительно меньше по величине, чем этого можно ожидать. Никого это не удивляет, — все знают, что жители южного побережья особо умело мумифицируют головы побежденных врагов и могут уменьшать их до размеров маленькой тыквы. Волнует другое — если посол облачен в военный наряд (головы на пояс и ожерелье из человеческих зубов на шее), значит речь пойдет о войне.

После приветствий послы занимают места напротив трона правителя и начинается церемония подношения подарков. Один за другим входят слуги и раскладывают на полу перед кичем свертки тканей, то плотных, как парча и бархат, то тонких, как газ или тюль. Сложные, многоцветные рисунки, вытканые или вышитые на них, изображают вооружен-

ных воинов, различных животных и птиц. Часто эти фигуры многократно повторяются в различных цветовых сочетаниях, располагаясь то горизонтальными, то вертикальными рядами или в шахматном порядке. Блистают яркими красками знаменитые расписные сосуды Наски, на них



Рис. 8. Фигурный сосуд: бог лис (Гос. Эрмитаж)

видны изображения птиц, рыб, насекомых, различные растения или женские лица с большими миндалевидными глазами. На других изображен кошачий бог — в передних лапах он держит трофеи — головы людей. Мелодично звенят складываемые грудой золотые украшения: ручные и ножные браслеты, нагрудные диски, серьги. Подарков очень много, и кич понимает, что поручение у послов очень серьезное.

Правитель выражает благодарность за присланные дары и начинает деловую часть встречи. Выясняется, что властелин Наски предлагает мочика совместный военный поход на жителей долины Теах, лежащей между их государствами. Мочика нападут на него с севера, а войска Наски с юга. Кич говорит, что ему необ-

ходимо посоветоваться со своим предком и поэтому он даст ответ завтра. А пока он просит гостей разделить с ним трапезу.

Начинается пир. Послы неоднократно выражают восхищение подаваемыми блюдами. Действительно, свежезажаренные морские свинки³ с отваренными земляными орехами и острой подливкой из перца очень вкусны. Не уступают им по продуманности приготовления и различные рыбные блюда, яйца игуаны со сладким картофелем и другие яства. Кукурузные лепешки подаются еще теплыми, их пекут прямо к столу. Хмельной напиток *кочо* вроде пива, изготовленный из кукурузы, вино из перебродившего сока растения кабуя льются рекой. На десерт подаются фрукты — ананасы, гванабано, чиримойя, авокадо, папайя. После еды правитель и гости направляются на отдых. Но перед этим кич отдает распоряжение: завтра на равнине около города состоится церемония священного бега в честь послов. Пусть лучшие и проворнейшие приготовятся к ней.

³ Мочика разводили морских свинок в качестве домашних животных.

Мы провели во дворце немало времени. Покинем его и возвратимся на берег Тихого океана; никак нельзя упускать великолепное зрелище заходящего солнца.

Раскаленный багровый диск плавно опускается в океанские волны. По мере приближения к воде он словно убыстряет свое движение. Вот уже половина его скрылась в темно-зеленой глубине, от оставшегося полукруга к берегу бежит зыблущаяся солнечная дорожка. Еще несколько минут, и дневное светило, словно приподнявшись на прощальное



Рис. 9. Ритуальный бег. Роспись на сосуде

мгновение, бросает последний луч и исчезает на отдых. Быстро темнеет, сумерек здесь почти нет. Только ледяные вершины Анд еще окрашены в зловещий малиновый цвет и рдеют в вышине, как раскаленные угли.

Теперь мы можем закончить наше затянувшееся путешествие. Возвращаясь назад по затихшему городу (жители его рано ложаться спать и рано встают), мы вдруг замечаем в одном из домов свет. Почему же здесь не спят? Что-нибудь случилось?

Входим в жилище. По убранству его сразу становится ясным, что люди здесь живут бедно: охапки соломы вместо постелей, едва прикрытые полосами грубой ткани, примитивный ткацкий станок, зернотерка и несколько других предметов домашней утвари, — вот и все, чем обладают хозяева. Глава семьи, пожилой мужчина, неподвижно лежит на постели, закрыв глаза; его одолевает тяжелая лихорадка. Чтобы помочь ему, родные пригласили шамана, известного своими многочисленными исцелениями. Он явился сразу же после захода солнца и уже начал процедуры. Потратим несколько минут и понаблюдаем за ними.

Лечебные действия начинаются с того, что шаман тщательно окуривает все тело больного табачным дымом от большой сигары, которую он держал во рту. Табак считается у мочика, да и у многих других индейских народов Южной Америки, очень сильным медицинским средством. Затем он вынимает из своей сумки пригоршню листьев коки и подбрасывает их вверх. Склонившись над разлетевшимися листьями, врачеватель долго изучает их расположение — это один из видов гадания. Теперь, после выяснения причин болезни, можно приступить к дальнейшим действиям.

Шаман выпивает большую чашу настоя из зеленых листьев табака. Ему это необходимо, чтобы добиться экстатического состояния. Скоро зелье действует, и он, покачиваясь, начинает петь заклинания. Затем, не прерывая их, шаман приступает к массажу тела больного. Темп песни становится все более быстрым, движения рук — учащенными. Вот врачеватель наклоняется, припадает к груди больного и энергично что-

то высасывает, время от времени сплевывая в стоящую рядом бутылку из высушенной тыквы. Так он удаляет то, что послужило причиной болезни. Наконец, после особенно долгого высасывания шаман с торжествующим видом поднимается на ноги, вынимает изо рта небольшой камешек и, подняв высоко в руке, показывает его. Всем присутствующим, боязливо наблюдавшим за обрядом, становится ясным: источник болезни извлечен!



Рис. 10. Фигурный сосуд: сова
(Гос. Эрмитаж)

Больному сразу становится легче, он заявляет об этом. Шаман дает ему целебное питье — позже оно станет известным во всем мире под названием перуанского бальзама — и натирает его тело мазью из жира ламы, смешанного с различными травами, измельченными в порошок. Теперь больной должен полежать несколько дней в покое и принимать бальзам, тогда болезнь совершенно оставит его, — говорит врачеватель.

Мы незаметно удаляемся из дома, чтобы не мешать семье выразить свою благодарность шаману и рассчитаться с ним. На небе уже сияют крупные южные звезды и месяц. На нем, по представлениям мочика, живет бог — лис. Это второе по значению божество после Аи-Апека, от него зависит очень многое, поэтому-то крыша дворца и украшена его изображениями.

Наш путь лежит мимо «Пирамиды Солнца». У ее подножья мы замечаем

богато украшенные носилки и четверых дремлющих рабов — носильщиков. Кто же может быть в это позднее время на пирамиде?

Войдя в храм на вершине, мы застаем там, к нашему удивлению, правителя. При мерцающем свете небольшого светильника он выливает в полый стебель тростника, укрепленный в полу, кочо из фигурного сосуда в виде совы. При этом сосуд издает тихий приятный свист: специальные перегородки внутри его гончар расположил так, что струя воздуха проходит через свисток в горле. Такие сосуды дошли и до нашего времени, несколько экземпляров их находится в собраниях Государственного Эрмитажа и Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

Кич поит напитком душу своего предка. Глубоко в толще пирамиды находится гробница, в которой лежит мумия. Лицо ее прикрыто чеканной маской из золотого листа, вокруг тела стоят сосуды из драгоценных металлов и глины, разложены различные украшения и оружие. Погребения правителей мочика были очень богатыми. Не случайно после испанского завоевания белолицые грабители, разрыв одну из таких пирамид, добыли оттуда золотых и серебряных изделий на сумму 278 174 золотых кастельянос, что примерно равно 55 миллионам рублей, считая только стоимость металла. А ведь это были, прежде всего, замечательные памятники искусства. Невежественные и хищные конкистадоры пустили их на переплав, и художественные сокровища мочика

погибли бесследно. И в самой «Пирамиде Солнца» кладовщики в 1602 г. добыли 29 кг золота!

Тростниковая трубка соединяет гробницу с храмом; пользуясь ею, правитель в необходимых случаях совершает возлияние душе умершего. Теперь кич хочет посоветоваться с предком о походе на Теах: он был великим полководцем и его суждение особенно важно. Приняв большую порцию коки, правитель усаживается на полу около тростника и ждет, когда дух покойного объявит свое решение.

Не будем дожидаться ответа и спустимся с пирамиды. Тихий ночной ветерок приятно обдувает лица после духоты маленького храма. Давно уже настала пора отдыха, и мы можем закончить наше путешествие по столице мочика.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Б. И. Шаревская, Культура древних народов области Анд, «Народы Америки», II, М., 1959; Antonio de la Calancha, Cronica moralizada del orden de San Augustin en el Peru, con sucesos egeplares en esta monarquia, Barcelona, 1638; Fernando de la Carrera, Arte de la lengua yunga (1644), «Publicaciones Especiales del Instituto de Antropología de la Universidad Nacional de Tucumán», № 3, Tucumán, 1939; B. Cobo, Historia del Nuevo Mundo... Ed. M. Jiménez de la Espada, vol. 1—4, Seville, 1890—1895; E. W. Middendorf, Das Muchik oder die Chimu — Sprache, «Die einheimischen Sprachen Perus», Bd. 6, Leipzig, 1892; M. Uhle, Die Ruinen von Moche, «Journal de la Société des Américanistes» (далее JSA), t. 10, 1913; A. L. Kroeber, The Uhle pottery collections from Moche, «University of California Publications in American Archaeology and Ethnology», Berkeley, 1925, vol. 21, № 5; A. Posnansky, Die erotischen Keramiken der Mochicas und deren Beziehungen zu occipital deformierten Schädeln, «Abhandlungen zur Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», Bd. II, Frankfurt a. M., 1925; M. Schmidt, Kunst und Kultur des alten Peru, Berlin, 1929; R. d'Harcourt et J. Niqué, La Sarbacane, l'élevage des Oiseaux et la tête reduite chez les peuples Mochica, JSA, t. 26, 1934; A. Jiménez Borja, Moche, Lima, 1938; R. Larco Hoyle, Los Mochicas, t. 1—2, Lima, 1938—1939; W. C. Bennett, Archaeology of the North Coast of Peru. An account of exploration and excavation in Viru and Lambayeque Valleys, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», New York, 1939, vol. 37, part I; H. Leicht, Indianische Kunst und Kultur. Ein Jahrtausend im Reiche der Chimu, Zürich, 1944; R. Larco Hoyle, The Mochica culture, «Handbook of South American Indians», vol. 2, Washington, 1946; G. Kutscher, Religion und Mythologie der frühen Chimu (Nord Peru), «Actes du XXVIII-e Congrès International des Américanistes», Paris, 1948; J. H. Rowe, The Kingdom of Chimor, «Acta Americana», Ann Arbor, 1948, vol. 6, № 1—2; G. Kutscher, Chimu. Eine altindianische Hochkultur, Berlin, 1950; W. C. Bennett, The Gallinazo Group, Virú Valley, Peru, «Yale University Publications in Anthropology», vol. 43, New Haven, 1950; H. Horkheimer, El Perú prehispánico, Lima, 1950; G. Kutscher, Sakrale Wettläufe bei den frühen Chimu (Nord Peru), «Beiträge zur Gesellschaft- und Völkerwissenschaft», Berlin, 1950; J. Alcina Franch, Una nota acerca de la escritura Mochica con Pallares, «Revista de Indias», Madrid, 1951. Año XI, № 43—44; R. P. Schaedel, Mochica murals at Pañamarca, «Archaeology», 1951, vol. IV, № 3; D. W. Strong, C. Evans, Cultural stratigraphy in the Virú Valley, Northern Peru. The formative and florescent epochs, «Columbia Studies in Archaeology and Ethnology», New York, 1952, vol. IV; A. Vivante, Escritura de los Mochicas, Origen, Madrid, 1953, Año I, № 6; G. R. Willey, Prehistoric settlement patterns in the Virú Valley, Peru, Bureau of American Ethnology, Bulletin 155, Washington, 1953; G. Kutscher, Nordperuanische Keramik. Figurlich verzierte Gefässe der früh-Chimu, «Monumenta Americana», I, Berlin, 1954; H. Ubbelöde-Doering, The art of ancient Peru, New York, 1954; H. G. S. Bushnell, Peru, London, 1956; J. A. Mason, The ancient civilizations of Peru, London, 1957; H. Ubbelöde-Doering, Alt-Mexikanische und Peruanische Malerei, Berlin, 1959; S. K. Lothrop, Treasures of ancient America, Geneva, 1964; P. Kosok, Life, land and water in ancient Peru, New York, 1965; R. Larco Hoyle, Peru, Geneva — Paris, 1966.